

На правах рукописи

ЗАРУБИНА Татьяна Анатольевна

**Философский дискурс французского
постмодерна: модель нелинейной онтологии**

Специальность - 09.00.01-
Онтология и теория познания

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Екатеринбург- 2005

Работа выполнена на кафедре онтологии и теории познания Уральского государственного университета им.А.М.Горького

Научный руководитель: доктор философских наук,
профессор Н.В.Брянник

Официальные оппоненты: доктор философских наук,
профессор Л.М.Андрюхина;
доктор философских наук,
профессор С.А.Азаренко

Ведущая организация: Челябинский государственный
университет

Защита состоится «22» декабря 2005 г. в 13 час. на заседании диссертационного совета Д 212.286.02 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора философских наук при Уральском государственном университете им. А.М.Горького (620083, г. Екатеринбург, К-83, пр. Ленина, 51, комн. 248).

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Уральского государственного университета им. А.М.Горького.

Автореферат разослан « » ноября 2005 г.

Ученый секретарь диссертационного совета,
доктор философских наук,
профессор

В.В.Ким

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. В настоящее время постмодерну как явлению посвящаются исследования разных уровней. Философский постмодерн нередко рассматривают как единую школу, полагая при этом «культуру симулякра, вдохновленную Платоном». Чаще всего такое представление философов-постмодернистов, как единого направления, опирается лишь на внешнее сходство ряда положений, заявленных в их работах, которые вполне можно объяснить веянием времени 60-70 гг. во Франции. Иногда постмодерн представляется как некий всеобъемлющий феномен международного значения. Это происходит тогда, когда говорят о постмодерне вообще, не разграничивая, при этом, идет ли речь о французском/немецком постмодерне, или о его американском или русском прочтениях (о чем ярко свидетельствует прошедший в МГУ в мае 2005 года IV философский конгресс, когда вопрос о подобном разграничении даже не был поднят). При этом термины структурализм, постструктурализм, постмодернизм рассматриваются то как синонимы, то как понятия, наделенные разным смыслом. Другими словами, даже терминологической ясности в исследованиях, посвященных постмодерну, не наблюдается.

Об актуальности вопросов, связанных с философией постмодерна, свидетельствует и нашумевшее «дело А.Сокала», когда два физика А.Сокал и Ж.Брикмон обвинили в своей книге «Интеллектуальные надувательства» французских философов-постмодернистов в «шарлатанстве, словесной интоксикации, презрении к фактам и логике». Эта книга вызвала международный резонанс, так как в ней утверждается, что если философы-постмодернисты (М.Фуко, Ж.-Ф.Лиотар, Ж.Деррида, Ж.Делез, Ф.Гаттари, Б.Латур и др.) и кажутся непонятными, то только потому, что они ничего не хотят сказать, а всего лишь отторгают рационалистскую традицию Просвещения и представляют собой когнитивный и культурный релятивизм, трактующий науки как «наррации» или социальные построения.

Анализируя отечественные работы, посвященные философскому постмодерну, мы вынуждены констатировать, что в большинстве случаев философский постмодерн служит эквивалентом канцелярского Post-it от философии. Но при этом без понимания сути самого феномена французского философского постмодерна на его представителей ссылаются повсюду, то есть речь идет о машине модного цитирования и перекрещивания текстов.

В современной науке и философии широко обсуждаются нелинейные подходы к анализируемым объектам и феноменам на самых разных уровнях. Подобное видение современной философской и научной мысли и выражающей их текстуальности представляется нам эвристичным, так как реализует динамичный подход к феномену множественности. В таком разрезе философский постмодерн видится как ризоматическое пространство, где все концепции равнозначны, так как сама философия предстает не как история философии, а как философии, сосуществующие в одном, но

многомерном и децентрированном пространстве. С этой точки зрения, дискурсивное воплощение философии французского постмодерна выступает как становление, процесс-событие, существование на пересечении, когда в текст входит вся множественность иных текстов, когда в дискретной единичности созданного актуализируется множественность предшествующего.

Степень научной разработанности проблемы. Проблема философии и языка, а также философии языка и языка философии – важная тема современных философских исследований. Так, о языке и философии пишут Э.Дигоева, М.В.Лебедев, Д.И.Руденко, Ю.С.Степанов; языку философии посвятили работы как Т.Адорно и Л.Витгенштейн, так и В.В.Бибахин, М.С.Козлова, Д.В.Анкин и многие другие; а философия языка стала неотъемлемым разделом учебников по философии. Стирание границ между гуманитарными науками и философией привело к тому, что речь уже идет не столько о языке философии, сколько о философском дискурсе (или, скорее, философских дискурсах). Исследования, посвященные данной тематике, только начинают появляться и, вполне естественно, что они достаточно фрагментарны.

Проблематика дискурса возникает в России примерно в одно время с работами по постмодерну, что, на наш взгляд, совершенно не случайно, так как в европейской философии и, прежде всего, французской, эти феномены неразрывно связаны, как исторически, так и концептуально, о чем свидетельствуют работы М.Фуко, П.Рикера, Ж.Деррида, П.Вейна, Ж.Лакана, Ж.Делеза, Ф.Гаттари и других. Однако в России понятие дискурса связано с именами, прежде всего, англо-американских исследователей, которые анализируют феномен дискурса с иных позиций, нежели их европейские коллеги. В этой традиции дискурс никак не связан с философией, в чем и заключается разительное отличие французской философии постмодерна от американского ее прочтения (Ф.Кюссе).

Тема дискурса достаточно популярна в лингвистической и философской литературе, о чем свидетельствуют многочисленные работы, как западных, так и отечественных ученых. Российские исследователи изучают дискурс с позиций когнитивного подхода (О.В.Александрова, Н.Д.Арутюнова, В.З.Демьянков, Е.С.Кубрякова, Е.В.Клобуков, М.Л.Макаров, Е.О.Опарина, В.В.Руденко, Р.М.Фрумкина); в то время как их американские коллеги изучают либо формально-логические признаки и структуру дискурса, законы его порождения (Ж.Браун, Ж.Граймс, Т. ван Дейк, В.Кинч, Р.Лонгакер, Д.МакДонелл, М.Стаббс, У.Чейф, Дж.Юл и др.), а французские ученые сосредотачиваются на анализе дискурса, прежде всего, в его текстовом воплощении, взаимодействии дискурсов между собой в поле культуры, а также на проблеме субъекта в дискурсе (Ж.-М.Адам, П.Анри, Э.Бенвенист, А.Борилло, Ф.Бюнье, Ф.Гаден, Ж.Гийому, О.Дюкро, Ж.Женнетт, К.Кербрат-Ореккиони, Б.Комбетт, Ф.Коссутта, Ж.Курте, Ж.Куртин, А.Леконт, Д.Магно, Д.Мальдидье, Ж.-М. Марандэн, С.Муаран,

Ж.Отье-Ревю, М.Пеше, П.Серио, П.Шародо, Ж.-К.Фукс, М.Шароль, Ж.Шово, и др.). В отечественных дискурсивных исследованиях проблематика дискурса рассматривается в рамках новой парадигмы лингвистического знания, именуемой некоторыми учеными (О.В.Александрова, Е.С.Кубрякова, Е.В.Клобуков) когнитивно-дискурсивной и представляющей собой особую интеграцию двух ведущих парадигм отечественной современности – когнитивной и коммуникативной, их рациональный синтез. В западных работах можно отследить два направления исследований, представленных в разных школах, а именно: **формальный анализ дискурса** (теория речевых актов, этнометодология, этнография речи и др.), направленный на выработку формальных моделей, где не учитываются ни семантические качества языковых форм, ни исторические аспекты языка (англо-саксонская школа, представленная в трудах Дж.Браун, Ж. дю Буа, Ж.Ж.Гамперс, М.Гернсбахер, Т.Гивон, Ж.Граймс, Т. ван Дейк, С.Каммин, У.Кинч, В.Лабов, Р.Лонгакер, Р.Томлин, С.Томпсон, Б.Фокс, М.Хэллидей, У.Чейф, Д.Шиффрин, Дж.Юл.); **содержательный анализ дискурса**, полностью сосредоточенный на его семантической и исторической плоскостях, как в теоретическом, так и практическом планах (французская школа анализа дискурса, разрабатываемая в работах следующих авторов: Ж.-М.Адам, П.Анри, Э.Бенвенист, А.Борилло, Ф.Бюнье, Ф.Гаден, Ж.Гийому, Ж.Женнетт, К.Кербрат-Ореккиони, Ж.К.Коке, Б.Комбетт, Ф.Коссутта, Ж.Курте, Ж.Куртин, Ж.Лакан, А.Леконт, Д.Магно, Д.Мальдидье, Ж.-М.Марандэн, С.Муаран, Ж.Отье-Ревю, М.Пеше, П.Рикер, П.Серио, Ф.Ситри, П.Шародо, М.Фуко, К.Фукс, М.Шароль, Ж.Шово, и др).

Именно в работах французских философов-постмодернистов впервые появляется философско-лингвистическое осмысление природы дискурса, показывающее неразрывную связь между теоретическими концептами и их материальным воплощением в дискурсе (П.Анри, Ф.Гаттари, Ж.Делез, М.Пеше, М.Фуко) .

Вопрос о природе самого философского дискурса и его составляющих встает позднее, лишь в конце 80-х гг., в работах Ф.Коссутта, Д.Магно, Ф.Сикурель, М.Али Буаша. При этом философский дискурс рассматривается исключительно с лингвистических позиций, когда обсуждаются вопросы его жанров, структуры, организации, пространственно-временных маркеров и т.д. В отечественных исследованиях проблематика философского дискурса представлена единичными работами, такими, например, как коллективная монография «Многообразие жанров философского дискурса», исследования Д.В.Анкина или интернет-публикация Е.Кроткова, посвященная формально-логическому анализу философского дискурса. В некоторых отечественных работах по философскому дискурсу зачастую доминирует аналитический и логический подход, когда речь идет об этапах философского процесса, порой выделяются формы философского дискурса. К сожалению, в большинстве исследований философским дискурсом признается лишь глубоко рационалистичный дискурс, построенный по

классическим канонам. Другими словами, любое философское произведение, порывающее с рационализмом, порывает и с философией (речь идет о дискурсе постмодерна, который не считается философским). Так, в размышлениях о специфике философского дискурса философы выходят на вопрос о философии постмодерна, которая оценивается как раздробленная философия, представляющая собой фрагментарные наброски, что свидетельствует, по мнению ряда исследователей (И.П.Ильин, Е.Кротков, В.И.Плотников и др.) о катастрофе мысли, для которой характерно «демонстративное пренебрежение к связанности, определенности и обоснованности теоретического мышления, то есть всего того, что привносит в философский текст уважительное отношение к основным формально-логическим принципам» (Е.Кротков, 2000).

Вопросам постмодерна в культуре, обществе и философии посвящено много работ, но в основном вторичных или третичных, основанных не на оригинальных произведениях, порой, даже не на переводах с языка оригинала. В лучшем случае, в основу исследований по философскому постмодерну кладутся переводы с английского, без учета языка оригинала, а чаще всего авторы основываются на комментариях или энциклопедиях. Среди последних можно назвать Энциклопедию пост-модернизма, под редакцией А.А.Грицанова и М.А.Можейко и многочисленные работы И.П.Ильина. Однако в них постмодерн представляется то как состояние культуры, то как этап в истории западной философии, причем не уточняется о какой именно философии идет речь (французской, немецкой или англосаксонской), тем самым остается неясным, что представляет собой философский постмодерн. Если в Энциклопедии пост-модернизма была предпринята попытка более или менее объективно проанализировать концепты философии постмодерна (по сути - французского постмодерна), то в работах И.П.Ильина превалирует субъективно-оценочный подход, который, затем транслируется во многих других отечественных исследованиях. Так, И.П.Ильин представляет постмодерн как модную и при этом навязчивую «фантасциентему» современной культурологии, другими словами, как химеру.

Таким образом, исследования, посвященные не только дискурсу и философскому дискурсу, но и философскому постмодерну и французскому философскому постмодерну чрезвычайно фрагментарны и слабо связаны между собой. Следовательно, становится необходимым проанализировать и связать воедино все перечисленные выше феномены, чтобы с их помощью попытаться построить модель «несущей конструкции» (под которой мы понимаем как момент структурной организации, так и момент ее функционирования и разворачивания) философского дискурса французского постмодерна, проследить возможные классификации постмодерна и дать достаточно строгое и внутренне последовательное определение философского постмодерна.

Важно отметить также, что вопрос о философском дискурсе французского постмодерна вписывается в более широкий контекст нелинейной онтологии французского постмодерна (под которой подразумевается принципиально новая онтология децентрированности, плюральности, равнозначности подходов, в гетерогенном пространстве которой (нелинейной онтологии) избегается любая фиксация для сохранения свободы выбора), еще не описанный в философской литературе, обоснованию модели которого мы уделяем в работе особое внимание.

Объект исследования. Объектом нашего исследования является онтологическое своеобразие философского дискурса французского постмодерна. Мы выявляем критерии отделения философского постмодерна от иных направлений современной философии, при этом ограничиваемся такой разновидностью философского постмодерна, как французский философский постмодерн.

Предмет исследования составляют функциональные и сущностные характеристики философского дискурса французского постмодерна с позиций философско-лингвистических исследований; исследуется механизм реализации концептов, которые включены в пространство философского дискурса французского постмодерна.

Цель исследования. Обоснование модели нелинейной онтологии философского дискурса французского постмодерна в рамках философско-лингвистического подхода. В соответствии с поставленной целью предполагается решить ряд задач:

- изучить сущность дискурсивных явлений, применяя философско-лингвистический подход;
- выявить становящийся характер философского дискурса как со-бытия с другими дискурсами, показать механизм его функционирования и его сущностные характеристики;
- изучить особенности философского дискурса постмодерна как новой парадигмы мысли, а именно: раскрыть культурный феномен постмодерна, постмодерн в философии и специфику текстуальности философского дискурса французского постмодерна;
- обосновать концепт ризомы и как несущей конструкции философского дискурса французского постмодерна, и как новой модели научного познания, вписанной в рамки нелинейной онтологии.

Теоретико-методологические основания диссертации. Теоретическое основание исследования составляют труды по анализу дискурса американской, немецкой, французской школ, а также отечественные исследования в этой области. Так, вопросами структурной организации дискурса занимаются Т. ван Дейк, Э.Руле, У.Чейф, В.Кинч; жанровый анализ и взаимодействие дискурсов составляет круг интересов Ж.-М.Адама, М.Пеше, Ф.Растье, П.Шародо, М.Шароля; философский дискурс стоит в центре исследований С.Борутти, М. Али Буаша, Ф.Коссутта, Д.Магно; вопросам субъекта в дискурсе посвятили свои работы П.Анри, Э.Бенвенист,

О.Дюкро, Ж.Курте, А.Леконт, М.Марандэн, Ж.Отье-Ревю; а когнитивный подход к дискурсу отражается в трудах таких ученых, как О.В.Александрова, Н.Д.Арутюнова, Т.Гивон, Т. ван Дейк, А.А.Кибрик, Е.С.Кубрякова, Р.Лонгакер, У.Лабов, Т.М.Николаева, В.А.Плунгян, В.А.Подорога.

Кроме того, в основу диссертации легли исследования по философии постмодерна (Н.Автономова, М.Антониоли, З.Бауман, А.Болье, Д.Белл, В.Берген, С.Бест, Ж.Брикмон, О.Б.Вайнтштейн, А.Галанди, А.Гидденс, В.Декомб, Ф.Досс, Л.Дюпон, П.Зима, И.П.Ильин, Л.В.Карасев, И.Е.Карцев, Д.Келлнер, Т.Х.Керимов, П.Козловски, Г.К.Косиков, И.Т.Красавин, Е.Кротков, С.В.Куцепал, Ф.Кюссе, С.Лэш, М.Маяцкий, Э.Морен, Д.И.Руденко, М. де Серто, А.Сокал, М.М.Субботин, Б.С.Тернер, Е.Г.Трубина, Б.Уаттара, А.В.Усачев, М.К.Эпштейн, и др.)

Среди источников диссертационного исследования можно назвать работы Р.Барта, Ж.Бодрийара, Ф.Гаттари Ж.Делеза, Ж.Деррида, Ж.Женнетт, Ж.-Ф.Лиотара, П.Рикера, М.Фуко, Ю.Хабермаса, на основании которых проводился анализ французского философского дискурса постмодерна, устанавливались закономерности его функционирования и его сущностные характеристики.

Специфика нашего исследования, выявляющего нелинейную онтологию как несущую конструкцию французского философского дискурса постмодерна, требует признания, прежде всего, принципа методологического многообразия. Использование этого принципа обусловлено самим характером французского постмодерна, а также наличием границ как узкоспециальных и общенаучных, так и философских методов познания. В связи с этим и возникает необходимость выявления их зависимости друг от друга. Среди общенаучных принципов познания назовем структурность и системность, а также тесно связанные с ними методы анализа и синтеза, сравнения и аналогии, интерпретации и формализации как способа выделения общей формы.

Основным подходом данного исследования, придающим ему своеобразие, является философско-лингвистический подход, что обуславливает как философские, так и лингвистические методы познания. Исторический метод позволяет проследить развитие дискурсивных и философских исследований в XX веке, а логический метод помогает установить их сущностные связи. В силу того, что мы исследуем дискурсивные явления, в работе используются методы дискурсивного, структурного и жанрового анализа. Поскольку дискурс рассматривается как сложное антропо-социо-культурное образование, как событие, то неизбежно возникают вопросы самоорганизации и становления текстовой системы, что приводит к обращению к элементам синергетической методологии. Текстологический анализ произведений философов-постмодернистов требует применения герменевтического метода (переход от целого к части и от части к целому, расширение единства смысла самого текста). Именно на этом основании мы и выделяем специфику философского дискурса французского

постмодерна. Текстовый анализ базируется на вычленении из структуры источника ключевых выражений, основных терминов и понятий; идея текста выделяется путем анализа его содержания, а также сопоставительного анализа.

Научная новизна данного исследования состоит в том, что в нем был использован философско-лингвистический подход для изучения проблематики дискурса в целом и философского дискурса в частности. Мы показываем неразрывную связь лингвистических и философских концептов во французском постмодерне, а именно: на основе лингвистических понятий пресуппозиции (отношение дискурса к «уже услышанному», «уже имеющемуся»), преконструкта (конфигурации следов предшествующих текстов в данном) и интердискурса (функционирование дискурса в его взаимосвязи с множественностью других дискурсов) / интрадискурса (функционирование дискурса по отношению к нему самому) осмысливается бытие философского дискурса как со-бытия с другими дискурсами. Философско-лингвистический подход позволяет рассматривать дискурсивные процессы в динамическом аспекте, когда событие-текст предстает как флуктуация в поле дискурса, не сопряженная с познавательным целеполаганием мыслящего субъекта, когда каждый отдельный философский текст в пространстве философского дискурса теряет свою дискретность и превращается в структуру, позволяющую выходить в пространство других текстов и неограниченно в нем перемещаться.

Новизна работы заключается также в том, что проведенный в ней анализ разнообразных концепций дискурса подвел нас к собственному определению *дискурса, как сложного события, протекающего в со-бытии с другими дискурсами-событиями, вписанного в этно-культурное и социальное пространство и имеющего временные характеристики.*

В работе обосновывается модель несущей конструкции философского дискурса постмодерна. В качестве таковой предлагается децентрированная ризоматическая модель, по принципам которой функционирует философская текстуальность французского постмодерна. В диссертационном исследовании выделены и описаны принципы функционирования данной модели. В рамках ризоматической модели философский текст предстает не как индивидуальный объект, а как узел в конфликтном пространстве. Правомерность использования модели ризомы в качестве несущей конструкции философского дискурса подтверждается фактом открытости границ философского дискурса и его многомерности.

Другой аспект научной новизны нашего исследования заключается в предпринятой попытке описания философии постмодерна как новой парадигмы мысли, как нелинейной онтологии. Исходя из этого, мы предлагаем новое определение философского *постмодерна, как подхода, отрицающего какое-либо объединяющее начало, структурированного и основанного на множественностях, основным мотивом которого является различие, децентрация и плюральность.*

Мы отмежевываемся от определения постмодерна как направления, культурного стиля или состояния общества. Хронологическая классификация постмодерна, с нашей точки зрения, является поверхностной, поэтому мы предлагаем концептуальную характеристику философского постмодерна. При таком подходе появляются основания для решения проблемы отнесения тех или иных философов к постмодерну.

В работе мы намеренно используем понятие постмодерна, а не постмодернизма, чтобы избежать любой оценочности (и, прежде всего, заведомо негативной), связанной с любыми - *измами*. Кроме того, именно понятие постмодерна, на наш взгляд, позволяет исследовать не только явление философского постмодерна, но и постмодерн как некий культурный феномен в целом.

В проведенном исследовании французский философский постмодерн обосновывается в свете модели нелинейной онтологии, в качестве которой выступает модель ризомы Ж.Делеза и Ф.Гаттари, среди свойств которой можно назвать комплексность, децентрированность, плюральность и открытость. Приведены аргументы в пользу того, что модель ризомы может представлять собой новую модель и для научного познания в целом. Это положение мы постарались обосновать на примере как гуманитарных, так и точных наук. В науке достаточно часты случаи, когда одни и те же понятия переходят границы дисциплин, наполняясь при этом новым смыслом, связывая самые разнообразные отрасли знания и доказывая тем самым, что знание целостно, а деление его на дисциплины есть уступка человеческой ограниченности. В этом ризоматическом пространстве невозможно выделение тех или иных концептов, или тех или иных теорий как доминантных.

Теоретическая значимость. В данной работе предложены новые критерии оценки философского постмодерна: не как особого историко-философского периода, а как особой проблематики, особого подхода, позволяющего говорить о нелинейности онтологии философского дискурса французского постмодерна и обосновывающего ее ризоматическую модель. Данное исследование может быть продолжено в аспекте понимания французского философского дискурса постмодерна в рамках культурного трансфера, когда последний рассматривается как диалог онтологий.

Апробация работы. Настоящее исследование было апробировано в многочисленных выступлениях на международных, всероссийских и региональных конференциях (список публикаций насчитывает 20 тезисов и статей), а также на следующих конференциях и семинарах: IV Всероссийский философский конгресс «Философия и будущее цивилизации» (Москва, 2005), séminaire de 3e Cycle du CRECLECO (Université de Lausanne, 2004, 2005), séminaire de 3e Cycle d'IRIS 4 (Université de Lausanne, 2005), «Europe(s) et identité(s)» (château de Coppet, 2005), «Expérience : colloque doctoral interdisciplinaire » (Université de Limoges, 2005).

Структура и объем. Работа выполнена на 162 страницах

машинописного текста в компьютерной верстке и состоит из введения, 2 глав, заключения, библиографии, содержащей 522 наименований. Главы разделены на параграфы и сопровождаются основными выводами.

Основное содержание работы

Во *ВВЕДЕНИИ* обосновывается актуальность темы исследования, состояние ее научной разработанности, определяются цели и задачи, характеризуется теоретико-методологическая основа работы, аргументируется научная новизна и теоретическая значимость работы

ГЛАВА I «ФИЛОСОФСКИЙ ДИСКУРС: ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ И ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ПРИЗНАКИ» посвящена проблематике дискурсивных исследований как в лингвистике, так и в философии. В главе описывается и обосновывается своеобразие философско-лингвистического подхода к феномену дискурса. На основании выбранного подхода раскрываются сущностные характеристики философского дискурса. Кроме того, в данной главе вводится понятийный аппарат и проблематика исследования, критически анализируются возможные варианты решений и, в соответствие с этим, определяется стратегия авторской позиции.

В первом параграфе «Философско-лингвистические концепции дискурса» рассматривается многообразие определений термина «дискурс», признается, что это многозначный термин ряда гуманитарных наук, предмет которых прямо или опосредованно предполагает изучение функционирования языка. Отмечается, что дискурсивное направление исследований рождается в противопоставлении функционализма формализму, когда сталкиваются различные методологические принципы исследования дискурса. Причем различия эти настолько существенны, что соответствующие им взгляды не только не совместимы друг с другом, но образуют крайние точки на шкале многообразных интерпретаций языка. Само дискурсивное направление оказывается, в конечном счете, разумным компромиссом между крайностями названных школ, поскольку дискурсивный анализ должен, по сути своей, быть ориентирован на интеграцию анализа, формы и функций данного объекта. С этой точки зрения неприемлемы как чисто формальные определения дискурса, так и определения исключительно функциональные.

В результате проведенного исследования мы приходим к выводу, что если термин «дискурс» подчеркивает динамический, разворачивающийся во времени характер языкового общения, то в противоположность этому, текст мыслится преимущественно как статический объект, как некий результат языковой деятельности. Иногда в литературе «дискурс» понимается как включающий одновременно два компонента: и динамический процесс языковой деятельности, вписанной в социальный контекст, и ее результат (т.е. текст). С нашей точки зрения, именно такое понимание является

предпочтительным. Мы установили, что дискурс не только случившееся, но и продолжающее свое становление событие, другими словами, дискурс представляется не как статичное образование, некий конструкт, построенная, раз и навсегда заданная структура, но как система в ее разворачивании.

Философский подход к изучению дискурса зарождался в тесной связи с лингвистическим. Структурализм, первый поднявший вопрос о таком явлении как дискурс, основывался, прежде всего, на лингвистике. Однако впоследствии эти два подхода к дискурсу, несмотря на общность некоторых концептов и позиций, разошлись в своих исследованиях. Лингвистическая проблематика дискурса затрагивает вопросы его структурной организации и функционирования, в то время как философское видение дискурса сосредоточивается на процессах смыслонаделения и смыслопорождения в дискурсе как явлении, прежде всего, социальном. Кроме того, современными философами поднимается вопрос об открытости границ дискурса, в частности, его открытости для интерпретаций. Философское осмысление дискурса строится на лингвистических исследованиях дискурса как том фактическом материале, который поставляет данные о структурировании и функционировании дискурса. При этом философский подход поднимается на более высокий уровень абстракции, изучая онтологическую сущность дискурса, его связи с интердискурсом (всей совокупностью существующих дискурсов) и всем пространством культуры.

В современной философии под дискурсом понимается вербально артикулированная форма объективации содержания сознания, регулируемая доминирующим в той или иной социокультурной традиции типом рациональности. Неклассический тип философствования осуществляет своего рода переоткрытие феномена дискурса — как в контексте вербально-коммуникативных практик, так и в широком социо-политическом контексте.

Особого внимания заслуживает философско-лингвистическая концепция М.Фуко, которого интересует проблема лакунарной и прерывной структуры, свойственной лишь дискурсу, а также проблема функционирования дискурса. М.Фуко предложил программу формирования нового подхода к феноменам дискурсивной сферы, где на передний план выдвигается рассмотрение процессуальности дискурсивных явлений. Процессуальность дискурсивности характеризуется им как флуктуационная, т.е. характеризующаяся непредсказуемыми случайными поворотами в своем разворачивании. Такое понимание проблемы дискурса показывает, что таящиеся в дискурсе возможности спонтанности, чреватой случайным и непредвиденным выходом за рамки предсказуемых законом состояний, ставят под угрозу сам способ бытия классического типа рациональности, основанный на космически артикулированной онтологии и логоцентризме, на критику которого (классического типа рациональности) и направлена философия постмодерна.

Важнейшим методологическим выводом, в который результируется осуществленная М.Фуко смена ракурса видения процессуальности дискурса,

является следующий. По его мнению, в сфере исследования дискурсивных практик уже невозможно устанавливать связи механической причинности или идеальной необходимости. Нужно согласиться с тем, что при рассмотрении продуцирования событий необходимо ввести категорию непредсказуемой случайности. Таким образом, в контексте философской рефлексии постмодерна акцент делается именно на дискурсивность как спонтанную самоорганизацию дискурсивной среды, обладающей креативным потенциалом по отношению к сфере смысла.

Философско-лингвистический подход позволяет не только описать дискурс как референтный (под референтностью дискурса подразумевается наличие в нем следов предшествующих текстовых конструкций, создающих эффект множественности смыслов), но и выявить основные его функциональные признаки и способы функционирования, чему посвящен второй параграф этой главы «Философский дискурс как со-бытие с другими дискурсами».

Философия как форма интеллектуальной активности человека не может развиваться, не подвергая самое себя критическому анализу, не находясь в состоянии перманентной саморефлексии. Этот процесс реализуется в форме философского текста, в языковых структурах которого и объективируются размышления мыслителей по поводу рассматриваемых ими проблем, что и является философским дискурсом. Важно понимать, что философский дискурс представляет собой такую конструкцию, в которой приобретают определенность предельно общие понятия. Впрочем, их общность при этом неизменно обретает определенные границы. Будучи встроены в дискурсивную конструкцию, общие понятия наполняются в ней особым смыслом. Последнее видно на простом примере: местоимение «Я», обращенное в философскую категорию (например, «Я» и «не-Я» у Фихте), уже не имеет никакого отношения к персоне говорящего, то есть в данной конструкции утрачивает смысл личного местоимения. Философский дискурс по сути своей всеохватен – он способен включить в себя все мыслимое, но все, что попадает в сферу философского дискурса, теряет свой прежний смысл, а обретает новый, заданный структурой философских категорий данного дискурса.

Разворачивание философского дискурса сопряжено с отображением в нем других дискурсов. Этот феномен получил название *интердискурса*, который не является ни банальным обозначением дискурсов, которые существовали раньше, ни общей для всех дискурсов идеей. Вопреки этой наивно и единодушно принимаемой концепции, интердискурс представляет собой дискурсное и идеологическое пространство, в котором разворачиваются дискурсные формации с их отношениями господства, подчинения и противоречия. Разворачивание философского дискурса в равной степени опирается на память создающего и/или воспринимающего сознания и несет в себе следы (более или менее проявленные) не только иных философских текстов, но и других текстов культуры и, как ни

парадоксально, отсылает в процессе чтения также и к своему собственному пространству, которое в литературе принято называть интрадискурсом. *Интрадискурс* определяется в аспекте функционирования дискурса по отношению к себе самому (то, что я говорю теперь, по отношению к тому, что я говорил раньше, и к тому, что я скажу позже), т.е. он предстает как совокупность явлений «кореференции», которые обеспечивают то, что можно назвать «нитью дискурса». При этом философский дискурс отнюдь не является нейтральным элементом культурного пространства, напротив, философские дискурсивные практики регулируются и детерминируются со стороны культуры, которая задает им те или иные рамки. В связи с этой характеристикой дискурса мы можем говорить о культурных различиях философского дискурса, что играет немаловажную роль при переносе философского дискурса из одной культуры в другую.

Получается, что в философском тексте в качестве составляющей дискурса мы имеем вовсе не индивидуальный объект, не «атом дискурса», а скорее некий «узелок» языковой сети или узел в конфликтном пространстве, некоторую всегда неокончательную стабилизацию в игре разнообразных сил. В таком аспекте пространство философского дискурса можно уподобить пространству ризомы¹ Ж.Делеза и Ф.Гаттари. Правомерность использования метафоры ризомы для описания философского дискурса подтверждается тем фактом, что границы любого философского дискурса открыты, он существует только на «пересечениях» и потому содержит «следы предшествующих конструкций». Другими словами, философский дискурс всегда многомерен, поскольку точки одной фигуры отсылают нас к точкам другой фигуры, образуя совокупность созвездий смыслов. При этом сами точки предстают перед нами в динамике, становясь линиями ускользания.

Таким образом понятая ризома становится моделью «несущей конструкции» (под которой мы понимаем как момент структурной организации, так и момент функционирования, разворачивания) философского дискурса. Любой новый философский текст будет местом пересечения уже существовавших текстов - нитей ризомы (то есть преломлением и переплетением всего многообразия существовавших философских текстов, представляющих порой разнонаправленные тенденции и философские школы), которые, в свою очередь, в определенный момент времени могут стать «точками перелома» философского дискурса, что обнаруживается в несовместимости понятий, типов высказываний и объектов исследования разных философских текстов, существующих в пространстве одной и той же формации. Они несовместимы и вместе с тем эквивалентны, поскольку формируются по одним и тем же правилам и в одних и тех же

¹ Образ ризомы (корневища растения) фиксирует принципиально нелинейный способ организации текста (и культуры). Эта метафора подчеркивает сложность переплетений и пересечений различных тенденций в культуре: при пересечении один корешок становится продолжением другого, линейное выделение одного из них становится невозможным.

условиях. Их отношение может принимать форму альтернативы, и они становятся базой для альтернативных систематизаций понятий, объектов и форм высказываний. Именно в этих «точках перелома» и возникает смена философских парадигм, возникают новые течения и идеи. Иными словами, ризома в равной степени характеризует и модель развития философского знания, выраженного в текстуальной материальности философского дискурса.

В выводах по первой главе отмечается, что анализ дискурса – это междисциплинарное и динамическое направление исследований, конечная цель которого уловить дискурсивную деятельность сквозь разнообразие текстов и их переплетений. Это положение можно перенести и на философский дискурс, который существует, т.е. создается, воссоздается и принимается как бытие-между, другими словами, в межтекстовых пространствах, на пересечениях с другими дискурсами.

В ГЛАВЕ II «МОДЕЛЬ НЕЛИНЕЙНОЙ ОНТОЛОГИИ ФРАНЦУЗСКОГО ПОСТМОДЕРНА» рассматривается философский постмодерн как новая парадигма мысли, как нелинейная онтология, одной из возможных моделей которой может быть модель ризомы.

В первом параграфе «Философский постмодерн: новая парадигма мысли» постмодерн описывается, прежде всего, как культурный феномен, когда происходит трансформация восприятия социального и исторического времени, воплощенного в традиции. Постмодерн утрачивает веру в предопределенность прогрессивного развития, условным становится различие «старого и нового», возрождается образ циклического течения исторического времени – «вечного возвращения того же самого» (Ф.Ницше), а культурное творчество становится бесконечным «цитированием». Таким образом, «пост» в данном контексте означает иной, по сравнению с модерном, образ времени, иное отношение к традиции - не игнорирование, преодоление или консервацию, но анализ, интерпретацию, переосмысление.

Философский постмодерн – явление неоднозначное, и на данный момент оно широко обсуждается в ряде гуманитарных наук. В статусе философской категории, фиксирующей ментальную специфику современной эпохи в целом, постмодерн утверждается, начиная с 1979 года (после работы Ж.-Ф.Лиотара «Постмодернистское состояние: доклад о знании»). Среди многочисленных определений и оценок этого явления в последнее время начинает доминировать тенденция к предельно широкому его пониманию, где постмодерн рассматривается не только как эпоха в развитии социальной реальности, но и сознания.

Современная культура рефлексивно осмысливает себя как «постмодерн», т.е. как пост-современность, как процессуальность, которая разворачивается «после времени» — в ситуации «свершенности» и «завершенности» истории. Аналогично этому, современная философия конституирует себя не только как пост-современная (собственно, *post-moderne*), но и как «постфилософия», что предполагает отказ от

традиционных для философии проблемных полей, понятийно-категориального аппарата и классических семантико-аксиологических приоритетов. Семантическая и категориальная пестрота постмодернистской философии во многом обусловлены радикальным отказом постмодерна от самой идеи конституирования в сфере современного философствования концептуально-методологической матрицы. Поскольку в этом случае она могла бы претендовать на парадигмальный статус, а ведь ее (постмодернистской философии) программная установка - это идиографизм¹ и изначальная плюральность проблемного поля, обнаруживающего к тому же постоянные интенции к своему расширению.

Теоретическая рефлексия культуры конца XX столетия представлена, преимущественно, мифологемами постмодернизма. Воспроизведенный в них лик постсовременности характеризуется следующими чертами.

- Децентрацией, плюрализмом и фрагментарностью культуры. «Рассеянность и спутанность ценностей» (Ж.Бодрийяр) приводит к нарушению иерархической организации культуры, равноправному сосуществованию «высокого» и «низкого», элитарного и массового, к превращению иронии в средство саморазрушения культуры.

- Вытеснением реальности системой симулякров-фантомов сознания, стирающих различие реального и воображаемого, замыкающихся на самих себе копий без оригиналов. По словам Ж.Бодрийяра, современность находится в состоянии симуляции, в котором мы можем только проигрывать все сценарии, поскольку они уже имели место - реально или виртуально.

- Поиском новых форм достижения социальной и культурной идентичности. Попытка объяснения этих тенденций содержится в концепции «культурного номадизма» (культурного кочевничества) Ж.Делеза и Ф.Гаттари.

- Неопределенностью, открытостью, незавершенностью, стиранием пространственных и временных границ. Новизна здесь в той же мере означает движение вперед, сколь и возврат к тому, что было, казалось бы, безвозвратно утрачено модерном. Неактуальной становится идея непрерывности исторического процесса, культура приобретает мозаично-цитатный облик, она охотно прибегает к практике сопоставления различных исторических эпох и традиций мышления.

Говоря о философском постмодерне, мы, прежде всего, обращаемся к двум терминам – постмодерну² и постструктурализму, которые часто используются как синонимы. Мы пытаемся развести эти понятия, как описывающие явления разных порядков: постструктурализм характеризует

¹ Парадигмальная установка на видение реальности в качестве неунифицированной и, соответственно, не подлежащей познанию посредством поиска общих закономерностей и осмыслению посредством общих понятий.

² Мы намеренно используем понятие постмодерна, а не постмодернизма, чтобы избежать любой оценочности (и, прежде всего, заведомо негативной), связанной с любыми - *измами*. Кроме того, именно понятие постмодерна, на наш взгляд, позволяет исследовать не только явление философского постмодерна, но и постмодерн как некий культурный феномен в целом.

философско-исторический подход к данной проблематике (этап в развитии философской мысли, последовавший за структурализмом). В таком разрезе к постструктурализму могут быть отнесены философы, оспаривающие понятие структуры. Что же касается термина «постмодерн», то он характеризует скорее концептуальный подход, дает сущностные характеристики самого явления постмодерна.

Кроме того, унифицированного философского течения, которое можно было бы обозначить как «постмодерн», на наш взгляд, не существует. Постмодерн представляет собой скорее умонастроение, интеллектуальный стиль, проблематику, чем философскую школу или направление, сопоставимое, например, с неокантианством, постпозитивизмом или феноменологией. Неслучайно многие философы, которых называют «постмодернистами», скептически относятся к этому термину. Суть философии постмодернистов заключается в установке на разнородность и множественность линий ускользания (нелинейная онтология постмодерна не допускает выделение каких бы то ни было фиксированных точек, ибо каждая из них в своей динамике фактически предстает перед наблюдателем в качестве линии), когда один концепт переходит в другой, не подчиняясь при этом законам причинно-следственной, диалектической или какой-либо другой связи. Таким образом, французский постмодерн определяется *как подход, отрицающий какое-либо объединяющее начало, структурированный и основанный на множественностях, основным мотивом которого является различие, децентрация и плюральность*. С этой точки зрения, к постмодерну могут быть отнесены самые разнообразные философы, чьи концепции затрагивают данную проблематику вне зависимости от их философско-исторической «классификации».

Видение постмодерна как течения или школы, по нашему мнению, было привнесено в отечественную философскую мысль из Соединенных Штатов, так как многие французские философские тексты второй половины века были переведены на русский язык с английского, вместо языка оригинала. Этот факт объясняет иную трактовку философии постмодерна, нежели на ее родине. Причинами подобной унификации могут служить несколько рефренов эпохи, которые приводят к формированию в среде французских философов-постмодернистов крайне негативно настроенного сообщества:

- тройственная критика субъекта, репрезентации и длительности истории;
- тройственное перепрочтение Фрейда, Ницше и Хайдеггера;
- критика «критики» самой по себе, поскольку они обращаются каждый по своему к немецкой философской традиции.

Однако перечисленные черты эпохи не могут служить причиной унификации столь несхожих философских идей французских постмодернистов, как «микрофизика власти» М.Фуко, «диссеминация» следов Ж.Деррида, делезовские «поток» и «разветвления» на разных планах

имманентности и «гиперреальное пространство» бодрийаровской симуляции и др., той унификации, что столь свойственна отечественной философской мысли.

На основании всего вышеизложенного делается вывод о том, что философский постмодерн действительно является новой парадигмой мысли, парадигмой нелинейной онтологии. Этой парадигме мысли свойственна децентрация, плюрализм и фрагментарность культуры и философии. Реальность вытесняется системой симулякров-фантомов сознания, идет поиск новых форм достижения социальной и культурной идентичности. Кроме того, эта парадигма мысли характеризуется неопределенностью, открытостью, незавершенностью, стиранием пространственных и временных границ.

В центре внимания второго параграфа «Ризома» Ж.Делеза и Ф.Гаттари как модель нелинейной онтологии находится концепт ризомы. Понятие ризомы выражает фундаментальную для постмодерна установку на разрушение традиционных представлений о структуре как централизованной и стабильно определенной. Ризома, по сути своей, есть альтернатива замкнутым и статичным линейным структурам с жестким осевым строением (например, модели дивергенции и конвергенции). Такие структуры семантически сопрягаются Ж.Делезом и Ф.Гаттари с фундаментальной для классической европейской культуры метафорой «корня», дифференцируясь на собственно «корневые» или «стержневые» («система-корень»), с одной стороны, и «мочковатые» или «пучкообразные» («система-корешок») - с другой.

Ризома - один из основополагающих концептов Ж.Делеза и Ф.Гаттари, на которых строится нелинейная онтология. Одними из наиболее важных характеристик ризомы как модели нелинейной онтологии, являются ее децентрированность, присущая ей плюральность, комплексность и открытость как системы. Последним двум характеристикам хотелось бы уделить особое внимание. Понятие комплексности означает рассмотрение *в связи*, во множественности линий ускользания. Упрощающая мысль неспособна представить союз единого и множественного (*unitas multiplex*). Прежде всего, комплексность означает ткань неразрывно связанных разнородных составляющих: она устанавливает парадокс множественного и единого. С другой стороны, комплексность представляет собой ткань событий, действий, взаимодействий, ретроактивных действий, детерминаций, случайностей, составляющих наш мир. Видение философского дискурса и философского постмодерна в перспективе комплексности позволяет избежать одномерного видения этой проблематики и мыслить ризоматично и ризоморфно¹.

Другой сущностной характеристикой нелинейной онтологии является ее открытость как системы. Для Ж.Делеза и Ф.Гаттари системы мыслятся

¹ «Ризоматический» в данном случае означает - обладающий структурой ризомы. В отличие от этого термина «ризоморфный» означает - генерирующий ризому(ы).

только как открытые, так как закрытая, замкнутая система ассимилирует все то, что она встречает в предзаданные идентичности, которые и определяют ее основную структуру. Открытая система всегда признает возможность связи с новыми, разнородными элементами, которые ее скорее трансформируют, нежели ассимилируют. Система является открытой, когда концепты связаны, скорее, с обстоятельствами, чем с сущностями. Из идеи открытой системы вытекает два следствия. Первое заключается в том, что законы организации любой системы строятся на принципах неупорядоченности, стабилизированного динамизма, нежели порядка. Второе следствие состоит в том, что система должна мыслиться не автономно, сама по себе, но в ее взаимосвязи с окружением, и что эта взаимосвязь не есть простая зависимость, но сущностная ее черта.

Конституируя идею ризомы как модели принципиально нелинейного типа организации, постмодерн далек от односторонней трактовки бытия как тотально ризоморфного, полагая корректным применение как линейных, так и нелинейных интерпретационных моделей — соответственно параметрам анализируемых сред. Более того, ставится вопрос о возможном взаимодействии линейных («древовидных») и нелинейных («ризоматических») сред между собой.

К основным свойствам ризомы, по Ж.Делезу и Ф.Гаттари, можно отнести.

- Принципы связи и гетерогенности.
- Принцип множественности.
- Принцип незначущего разрыва, который направлен против слишком значительных разрывов, разделяющих структуры или пронизывающих их насквозь. Ризома может быть разорвана, изломана в любом месте, а также она может перестроиться на другую линию.
- Принципы картографии и декалькомании, согласно которым ризома не подчиняется никакой структурной или порождающей модели. Речь идет о модели, которая продолжает формироваться, углубляться, развиваться, совершенствоваться, возобновляться, являя каждый раз новые версии своего бытия, соотносимые друг с другом как равнозначные. В этом отношении, если структура понимается Ж.Делезом и Ф.Гаттари как «калька», которая воспроизводит только саму себя, когда собирается воссоздать нечто иное, то ризома сопоставляется с «картой», которую можно и нужно читать. Другими словами, речь идет о модели, которая перманентно формируется, находясь в постоянной динамике.

Мысль, таким образом, пускается в экспериментирование. Это решение влечет за собой, по меньшей мере, три следствия:

1. мыслить не означает репрезентировать;
2. реальное начало возможно только посреди - там, где слово «генезис» в полной мере находит свою этимологическую ценность становления, вне связей с истоками. Ризома может быть интерпретирована как принципиально открытая среда — не только в смысле открытости для трансформаций, но и в

смысле ее соотношения с внешним. По оценке Ж.Делеза и Ф.Гаттари, у ризомы в принципе нет и не может быть ни начала, ни конца, а только середина, из которой она растет и выходит за ее пределы. Строго говоря, применительно к ризоме невозможно четкое дифференцирование внешнего и внутреннего, так как ризома развивается, варьируя, расширяя, захватывая и схватывая, внедряясь и конституируя свое внутреннее посредством внешнего. Ризома конечна, но безгранична; ризома не начинается и не завершается, и у нее достаточно сил, чтобы надломать и искоренить слово «быть», открывая возможность и свободу бесконечной плюральности своего бытия;

3. если всякая встреча возможна в том смысле, что нет оснований априорно дисквалифицировать одни пути по сравнению с другими, то эта встреча не диктуется никаким опытом не смотря ни на что.

Кроме вышеупомянутых правил, ризома состоит в различении бесплодного (черные дыры, тупики) и плодотворного (линии ускользания). Именно в этой точке *мыслить* завоевывает одновременно свою необходимость и свою эффективность в узнавании знаков, заставляющих нас мыслить, потому что они охватывают все то, что мы пока еще не помыслили.

Ризома моделируется в качестве неравновесной целостности, не характеризующейся наличием организационных порядков и отличающейся постоянной творческой подвижностью. Источником трансформаций выступает в данном случае не причина извне, но имманентная нестабильность ризомы, обусловленная ее энергетическим потенциалом самоварьирования. Однако достигнутый в результате этого кажущийся организационный хаос на деле таит в себе потенциальные возможности бесконечного числа новых организационных трансформаций, обеспечивая безграничную плюральность ризомы.

Классическая западная онтология была основана на замкнутых целостностях, таких как субстанция, идентичность, каузальность (линейная), субъект и объект. Эти целостности не сообщались между собой, оппозиции провоцировали отторжение или отмену одного концепта другим (как в случае с субъектом и объектом); реальность могла, таким образом, быть окружена четкими и ясными идеями. Именно на переосмысление этой замкнутой парадигмы и направлена критика постмодерна. Только пересмотрев понятие субъекта, можно прийти к видению культуры как открытой системы, только когда сам субъект перестанет быть статичным и неспособным к диалогу, можно будет говорить о диалоге культур. Именно в этом направлении и развивается мысль постмодернистов, переоценивающих субъект, идентичность, каузальность и культуру.

В *выводах* по второй главе исследования мы отмечаем тот факт, что возникновение схожих явлений и концептов в ряде точных и гуманитарных наук дает нам возможность говорить о постмодерне как о новой парадигме мысли, как о нелинейной онтологии. В этом разрезе вполне закономерно предложенное нами определение постмодерна как подхода, отрицающего

какое-либо объединяющее начало, структурированного и основанного на множественностях, основным мотивом которого является различие, децентрация и плюральность. В основу французского философского постмодерна легла критика основных концептов классической западной философии: субъекта, истока, идентичности, бытия и смысла как континуума. В дискурсе постмодерна зачастую встречается мысль о том, что научное развитие и недавние открытия не только изменили наше видение мира, но и произвели глубокие философские и эпистемологические изменения. Так, трансформируется восприятие социального и исторического времени, воплощенного в традиции, утрачивается привычная перспектива прогрессивного развития, воссоединяются научное и образно-художественное познание мира, культура видится как фрагментарная, плюралистичная, децентрированная, ее пространственные и временные границы стираются.

Среди принципов постмодернистской философской текстуальности нам удалось выявить ее мета-характер, интенцию к рефлексии, а именно — к экспликации и метатеоретическому анализу собственных парадигмальных оснований. Кроме того, философский дискурс французского постмодерна характеризуется принципом интертекстуальности (интердискурсивности), которому практически тождественен принцип «эхокамеры»; принципом цитатности, а также принципом мультиперспективизма. Наряду с ними, можно отметить не хаотичность и эклектичность построений данной философии, но их предельно обезличенный характер, ее нейтральность по отношению к субъект-объектной оппозиции, отсутствие четких образов субъекта и объекта.

В качестве одной из возможных моделей описанной выше новой парадигмы мысли может служить модель ризомы, предложенная Ж.Делезом и Ф.Гаттари. Ризома как модель характеризуется отсутствием жесткой и универсальной стратификации и структурирования, невозможностью четкого дифференцирования внешнего и внутреннего, антигенеалогичностью. В отличие от структуры ризома не боится разрыва, но, напротив, конституируется в нем как в перманентном изменении своей конфигурации. Ризоматическая модель представляет собой нелинейный и аструктурный способ организации целостности, чуждый генетической оси как глубинной структуре.

Главными конститутивными признаками ризомы служат ее открытость как системы, комплексность, децентрированность, плюральность. Кроме того, модель ризомы может служить не только в качестве модели несущей конструкции философского дискурса постмодерна, но и представлять собой новую модель научного познания в целом, модель нелинейной онтологии, что мы постарались доказать на примере как гуманитарных, так и точных наук. Научное и философское познание, на наш взгляд, развивается не по спирали (или не исключительно по спирали), а в пространстве ризомы. Роль корней (ветвей) в ее пространстве выполняют различные парадигмы,

существующие в одновременности. Взаимная детерминированность «ветвей» достаточно относительна. Когда одно из направлений становится тупиковым, идет поиск другой ветви или другого корня. Другими словами, любая униформизация в рамках французского философского постмодерна невозможна в силу того, что его ризоматическое пространство функционирует по другим принципам. Ризома одновременно заявляет: нет исходной точки или первичного принципа, направляющего всякую мысль; нет продвижения вперед, которое не проходило бы через бифуркацию, встречая непредвиденное, переоценивая ансамбль под неожиданным углом; нет более принципа упорядоченности или привилегированных подходов к множественности.

В **ЗАКЛЮЧЕНИИ** формулируются основные выводы исследования, определяется теоретическая и научно-практическая значимость дальнейшей разработки проблематики и темы исследования.

ПОЛОЖЕНИЯ, ВЫНОСИМЫЕ НА ЗАЩИТУ

Положения диссертации, отражающие определенную философскую новизну, заключаются в следующем:

1. разработана философско-лингвистическая концепция дискурса и как когнитивного движения и как сложного события, включенного в этнокультурное пространство и сферу социального взаимодействия;
2. выявлено философско-лингвистическое своеобразие философского дискурса, в соответствии с которым универсум философского дискурса описан как референтный, и в этой связи раскрыты его функциональные особенности;
3. обоснован становящийся характер философского дискурса как события с другими дискурсами; с этих позиций раскрыт механизм функционирования философского дискурса и его сущностные характеристики;
4. на основании анализа текстов французского философского постмодерна выявлены принципы нелинейной онтологии, одной из возможных моделей которой является ризома;
5. ризоматическая модель предложена в качестве несущей конструкции самого философского дискурса; философский дискурс постмодерна исследован с позиций принципов построения и функционирования нелинейной онтологии; выявлено, что по принципам ризоматической модели функционирует философская текстуальность французского постмодерна;
6. проведен анализ существующих классификаций постмодерна и обосновано определение постмодерна, как *подхода*, отрицающего какое-либо объединяющее начало, структурированного и основанного на множественностях, основным мотивом которого является различие, децентрация и плюральность;
7. ризома представлена и как новая модель социально-гуманитарного знания познания, соответствующая принципам нелинейной онтологии.

ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ БЫЛИ ОПУБЛИКОВАНЫ СЛЕДУЮЩИЕ РАБОТЫ:

1. Проблема эквивалентности и адекватности при переводе философских текстов // Проблемы лингвистики и межкультурной коммуникации: Материалы международной научно-практической конференции студентов и молодых ученых. – Белгород: изд-во БелГУ, 2001.
2. Роль пресуппозиции при переводе философских текстов // Студенческая научная конференция – 2001: Ежегодная научная конференция. – Екатеринбург, изд-во УрГПУ, 2001.
3. Принципы сопоставительного изучения и перевода текстов философского содержания // Актуальные проблемы развития гуманитарных наук. VI конкурс научно-исследовательских работ студентов вузов Свердловской области. – Екатеринбург, 2001.
4. Стилистические трудности при переводе философских текстов // IV Сибирская школа молодого ученого: Материалы международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых: В 5 т. Т.2: Лингвистика и филология. Томск: изд-во ТГПУ, 2001.
5. Роль комментариев при переводе философских текстов // Актуальные проблемы лингвистики: лингвистические чтения – 2002: Материалы ежегодной региональной научной конференции. – Екатеринбург, 2002. - № 15.
6. Особенности философских текстов и их перевода // Актуальные вопросы филологии и методики преподавания иностранных языков: Материалы всероссийской научно-практической конференции. – Новокузнецк: изд-во НГПИ, 2002.
7. Проблема понимания и перевода французских философских текстов // Сопоставительная филология и полилингвизм: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Казань: РИЦ «ШКОЛА», 2002.
8. Проблема определения понятия дискурс // Актуальные проблемы лингвистики: лингвистические чтения – 2003: Материалы ежегодной региональной научной конференции. – Екатеринбург, 2003. - № 16.
9. Понятия пресуппозиции и преконструкта в философском дискурсе // Языки профессиональной коммуникации: Материалы международной научной конференции. – Челябинск: изд-во ЧелГУ, 2003.
10. К вопросу о соотношении понятий «текст» и «дискурс» // Перевод и межкультурная коммуникация: Материалы пятой научно-практической конференции ИМС / Институт международных связей. – Екатеринбург: Издательство АМБ, 2003. – Вып.4.
11. Проблематика дискурса во французской школе А.Д. // Язык и интеллектуальный мир человека: Материалы международной научной конференции. – Архангельск: издательство АГТУ, 2003.
12. Корреляция понятий дискурс – интердискурс – интрадискурс в поле философского дискурса // Слово, высказывание, текст в когнитивном,

прагматическом и культурологическом аспектах: Материалы международной научной конференции. - Челябинск: изд-во ЧелГУ, 2003.

13. Диалог двух культур: проблема понимания французских философских текстов в России // Актуальные проблемы развития гуманитарных наук. VI конкурс научно-исследовательских работ студентов вузов Свердловской области. – Екатеринбург, 2003.

14. Философский дискурс в проблематике дискурса // Эпистемы-3: язык – дискурс – текст: Материалы межвуз.семинара: Альманах. – Екатеринбург: Издательство «Банк культурной информации», 2004.

15. Исследования дискурса в отечественной традиции // Актуальные проблемы лингвистики: лингвистические чтения – 2004: Материалы ежегодной региональной научной конференции. – Екатеринбург, 2004. - № 17 (при поддержке гранта МОРФ).

16. К вопросу о структуре дискурса // Романская филология. – Екатеринбург, изд-во УрГПУ, 2004 (при поддержке гранта МОРФ).

17. Эволюция лингвистической проблематики: от языка к дискурсу // Перевод и межкультурная коммуникация: Материалы шестой научно-практической конференции ИМС / Институт международных связей. – Екатеринбург: Издательство АМБ, 2004. – Вып.5. (при поддержке гранта МОРФ).

18. Философский дискурс постмодерна как ризоматическое пространство // Эпистемы-4: Материалы межвуз.семинара: Альманах. – Екатеринбург: Издательство «Банк культурной информации», 2005.

19. Соотношение типологий и жанров дискурса в анализе дискурса // Актуальные проблемы лингвистики: лингвистические чтения – 2005: Материалы ежегодной региональной научной конференции. – Екатеринбург, 2005. - № 18.

20. Субъект как открытая система во французском философском постмодерне // Четвертый Всероссийский философский конгресс: Философия и будущее цивилизации. – Т.2. - Москва, МГУ, 2005.